

ГОРОДИЩЕ ПАЛИЦКОЕ

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ЛОШЕНКОВ

Полевыми исследованиями 1995–1997 годов завершены спасательные раскопки на городище Палицкое, что в Свислочском сельсовете Осиповичского района Могилевской области. Это укрепленное поселение находится в урочище Городок, в 1,5 км восточнее деревни Палицкое (рис. 1), в пойме правого берега Березины на высоком останце. Памятник открыт в 1926 году экспедицией, которая проводила разведки в бассейне нижнего течения реки Свислочь. С.С. Шутов и Н.Н. Улащик описали его форму, размеры, укрепления, сняли план (рис. 2). Городище они привязали к деревне Новоселки (Шутаў, Улапчык, 1930, с. 115–116). В 1963 году его обследовал Л.Д. Поболь. Он заложил шурф на площадке, в обрывах зачистил валы и снял их профили, описал выявленные материалы (Поболь, 1974, с. 269–272). В 1970 году небольшие раскопки на нем провела экспедиция Белгосуниверситета. В северо-западной четверти городища разработан раскоп площадью 12х4 кв. м. Результаты раскопок Э.М. Загоруйского и Л.В. Жихаревой опубликованы весьма кратко (Жихарева, 1971, с. 45–48). Также это поселение обследовали в 1978 году

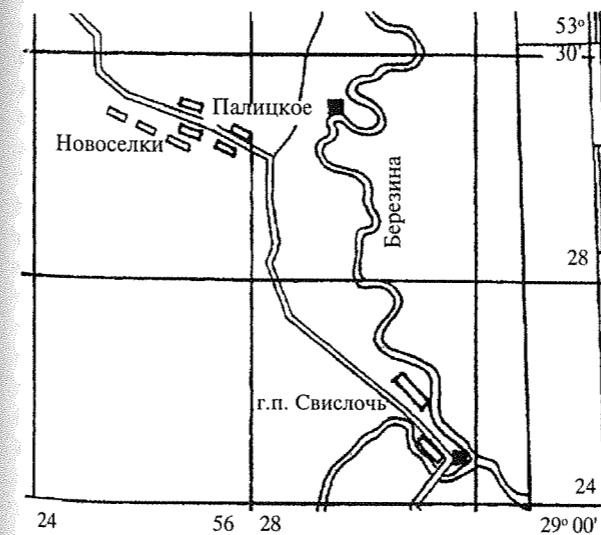

Рис. 1. План местонахождения Палицкого городища.

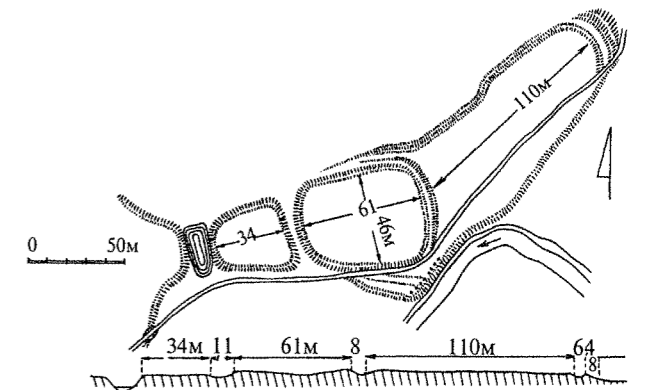

Рис. 2. План городища 1926 года.

А.Г. Митрофанов, в 1985 году О.В. Иов, а в 1994 году – автор (Лашанкоў, 1997 а, с. 30).

Изучаемое городище было в плане неправильной прямоугольной формы с закругленными углами (рис. 2). Оно располагалось на западном краю останца. Длина его с востока на запад 61 м, ширина с севера на юг 46 м. С северо-востока и востока оно отделялось рвом от остальной части послеледниковой возвышенности. Раскопом 1997 года исследовалась северо-восточная окраина памятника с прилегающим к нему рвом. Установлено, что площадка городища с напольной стороны была ограничена рвом шириной 4 м и глубиной 1,3–1,4 м от материкового горизонта. Стенки у рва пологие, дно чашеобразное. Отсутствие ям от столбов и кольев в материке по краю площадки говорит о том, что поселение изначально не имело деревянных ограждений. В процессе жизни склоны останца эскарпировались, по-видимому, не один раз, а земля набрасывалась на край площадки. Данное обстоятельство привело к тому, что края городища стали более возвышенными по сравнению с его центральной частью. К середине 90-х годов от городища сохранилась лишь северная окраина шириной 2–4 м (рис. 3). Примерно лет 50 тому назад река Березина начала постепенно менять свое русло, подмывая правый берег. Процесс

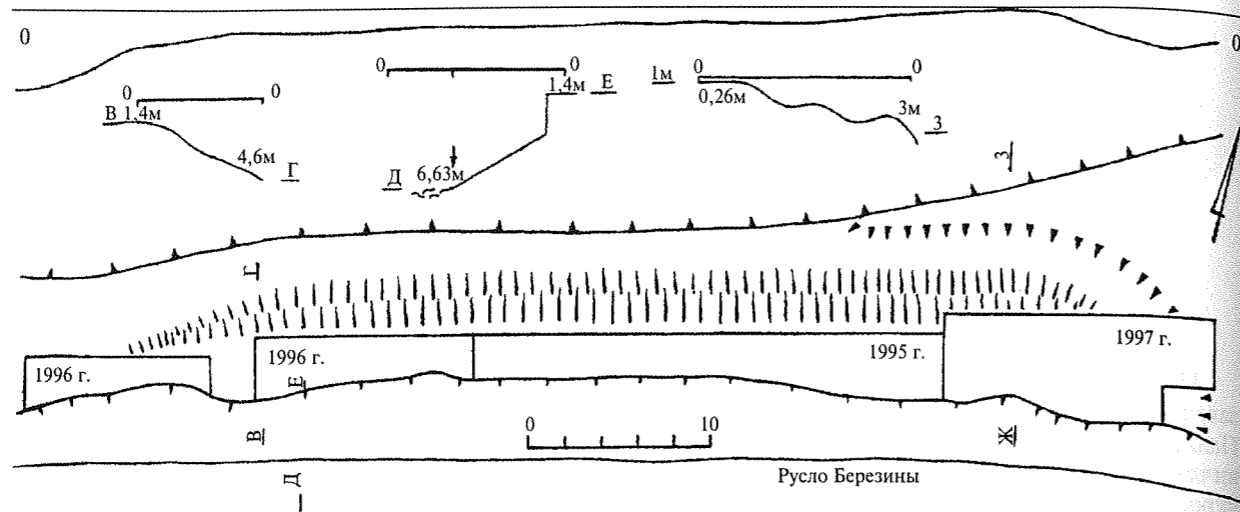

Рис. 3. План городища 1995 года по автору.

естественного разрушения памятника осуществлялся по всей его длине. Если в 1926 году ширина городища составляла 46 м, то в 1963 году – 27 м, в 1970 году – 22 м, а в 1994 году – от 2 до 4 м. Автор ставил своей задачей доисследовать оставшуюся часть памятника.

За три полевых сезона вскрыто 200 кв. м. Раскапывать пришлось по существу северный край городища (рис. 2, 3). Суммарная коллекция материалов из раскопов составила 4926 единиц. Культурный слой состоял из сеси серого и черного цветов. Два верхних раскопных пласта имели серую окраску, а все остальные до материка – черную. Исходя из нивелировочных данных, толщина культурного слоя была от 0,72 до 1,65 м. Дневная поверхность и материк в раскопах имели уклон на запад. В западной части сохранившегося памятника дневная поверхность возвышалась над уровнем воды в Березине на 6,63 м (в середине июня 1995 года). Органику слой рассматриваемого поселения сохраняет плохо, поэтому кости животных встречались в полуистлевшем состоянии. Единичными находками в слое были кусок глиняной обмазки и кальцинированная косточка, два кусочка железа и три кремневых отщепка. Коллекция индивидуальных находок небольшая – 20 экземпляров. Массовые материалы, такие как керамика, кости и шлаки, составляют 99,5% от всей коллекции. Отметим, что результаты раскопок за 1995 год уже опубликованы, как и некоторая информация по керамике за 1995–1996 годы (Лапанкоу, 1997 а, с. 30–38; Ильютик, 1998, с. 25–39).

На Палицком городище керамика – самый выразительный и большой по количеству материал. Вся она четко делится на две неравные в

количественном и хронологическом отношении группы. Меньшую ее часть составляют обломки гончарных сосудов (28 экз.), о чем будет сказано ниже. На памятнике доминирует лепная керамика железного века – 3760 фрагментов, среди них 82 днища от плоскодонных сосудов, 271 венчик и 3407 стенок. Рассматривая керамику, заметим, что подавляющее большинство посуды представлена в виде мелких обломков. Толщина стенок варьируется в пределах 0,4–0,8 см и изредка достигает 1 см, а днища – от 0,5 до 1 см. Снаружи цвет их бурый, черный, светло-коричневый, а внутренняя поверхность – темно-бурая и черная.

О технологии изготовления посуды мастерами-керамистами необходимо сказать следующее. В процессе подготовки глины к лепке в тесто специально подсыпались искусственные отощители, такие как древева, шамот и, по-видимому, болотная руда. Включения шамота видны на внешней поверхности крайне редко. Для этих целей мастер использовал не только керамический бой, но и обожженную глину. Комочки последней заметны иногда на поверхности как окатанные. Древева, в отличие от шамота, хорошо видна как в изломах, так и на поверхностях фрагментов. Ее зерна с угловатыми гранями имеют величину 0,05–0,5 см. В формовочной массе искусственные добавки вымешивались неравномерно, поэтому в отдельных обломках древесы очень много. Но есть и такие фрагменты, на которых она почти незаметна. В лощеной керамике ее нет. Отметим, что разная степень измельченности древесы соответствует определенной толщине стенок лепных сосудов: мелкие зерна присутствуют у тонкостенных, а крупные – у толстостенных.

Формовка сосудов начиналась с изготовления дна и придонной части. Фрагменты придонных частей и днищ позволяют отметить три варианта соединения плоского дна и стенки. В одних случаях низ стенки прикреплялся к плоскому дну сверху, и тогда наружная поверхность стенки заглаживала торец диска дна. В других – края торца днища заворачивались вверх, а стенка снаружи присоединялась до горизонтального низа и заглаживалась под дно. В третьих – днище и стенка присоединялись друг к другу под тупым углом, как два острых угла. Разломы нижних частей сосудов позволяют говорить о том, что мастера поселка лепили посуду, используя не только донный, но и донно-емкостный начин. Вариант донно-емкостного сводился к тому, что из кома глиняного теста формировалось не только плоское дно, но одновременно конструировались придонные части стенок тулова. Судя по наблюдениям, этот способ начала лепки был свойственен профилированным горшкам милогридного облика. У одного сосуда, изготовленного рассмотренным способом, высота придонной стенки от дна снаружи составляла 2,5 см, а с внутренней стороны – 1,5 см. Стенки тулова сосудов, как и их верхняя часть, наращивались путем ленточно-кольцевого налета. Нельзя не отметить, что способы обработки поверхностей у готовых изделий были разные. В коллекции обломков посуды нами выделены следующие разновидности фактур: груболепная, штрихованная, гладкостенная и лощеная. Шершавая внешняя поверхность с выступающими зернами древесы и бугристыми неровностями – свидетельство ее плохого заглаживания. В то же время внутренние поверхности стенок у груболепных горшков заглажены немного лучше. Следы внутреннего заглаживания позволяют говорить о горизонтальных движениях руки мастера по тулову. Штриховка изредка покрывала всю поверхность горшков. Чаще она начиналась от плечика и продолжалась до дна либо придонной части. Венчик с шейкой были незаштрихованными. В обиходе у жителей городища была не только грубая, но и хорошо обработанная посуда – гладкостенная и лощеная. У гладкостенных сосудов поверхность тщательно заглажена и зерна древесы с шамотом почти незаметны. Внешние и внутренние поверхности у них ровные, гладкие. Цвет преобладает коричневый. Лощеная посуда была черного и бурого цвета. Весьма показательное соотношение выделенных фактур посуды на изучаемом памятнике (рис. 4). Подсчеты показали, что на первом месте в количественном отношении была посуда с грубой фактурой (51,7%),

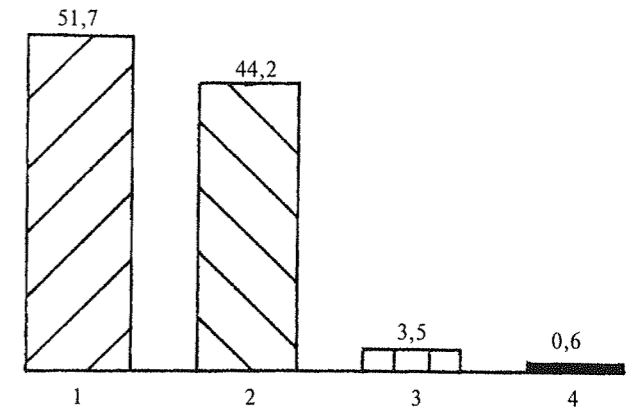

Рис. 4. Соотношение разных видов керамики на городище Палицкое (1 – груболепная; 2 – штрихованная; 3 – гладкостенная; 4 – лощеная).

на втором – штрихованная (44,2%), на третьем – гладкостенная (3,5%) и на четвертом – лощеная (0,6%). В расчет не принимались только днища. Динамизм распределения рассматриваемой керамики по пластам показан на специальной графике (рис. 5). Отмеченные способы обработки поверхностей посуды наибольшее распространение имели у жителей городища, как видим из стратиграфических наблюдений, в третьем – пятом раскопных пластах, которые соответствуют горизонту супеси черной окраски. Соотношение же отмеченных видов керамики в общем ее количестве и по пластам показано в нижеследующей таблице.

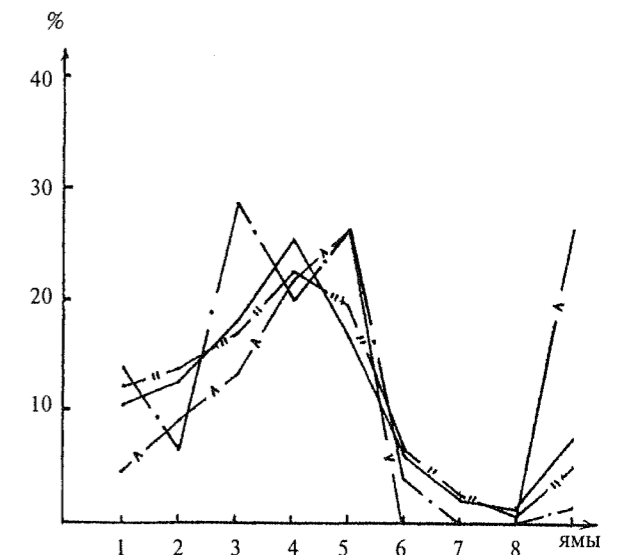

Рис. 5. Соотношение разнофактурной керамики по пластам на Палицком городище (Груболепная – ·–; Штрихованная – ^–; Гладкостенная – ··–; Лощеная – ^·–).

ПЛАСТЫ	Груболепная			Штрихованная			Гладкостенная			Лощеная		
	количество обломков	в % к этому виду	в % ко всей керамике	количество обломков	в % к этому виду	в % ко всей керамике	количество обломков	в % к этому виду	в % ко всей керамике	количество обломков	в % к этому виду	в % ко всей керамике
1	235	12,3	6,4	173	10,6	4,7	17	13,5	0,4	1	4,4	0,02
2	270	14,2	7,3	202	12,4	5,5	8	6,5	0,2	2	8,8	0,05
3	327	17,2	9	297	18,3	8,1	36	28,5	1,1	3	13	0,08
4	426	22,3	11,6	412	25,4	11,3	25	19,8	0,6	5	21,8	0,13
5	369	19,4	10	270	16,6	7,4	33	26,2	1	6	26	0,16
6	126	6,6	3,4	96	6	2,6	5	4	0,1	-	-	-
7	46	2,4	1,2	32	2	0,8	-	-	-	-	-	-
8	12	0,6	0,3	17	1	0,4	-	-	-	-	-	-
Ямы	94	5	2,5	125	7,7	3,4	2	1,5	0,1	6	26	0,16
Всего	1905	100%	51,7%	1624	100%	44,2%	126	100%	3,5%	23	100%	0,6%

Весьма важной для нас является форма сосудов, которыми пользовались обитатели поселка. Выявить в культурном слое развалы горшков не удалось, несмотря на скопления керамики в некоторых местах. Материалы коллекции не позволили склеить хотя бы один горшок. Реконструкции частей сосудов по крупным фрагментам показывают, что отдельные горшки имели диаметр по краю венчика 21,3, 22,5, 24, 26, 28 и 42 см. У самых малых диаметр равен 14 и 9 см. Верхние части горшков имели отогнутый наружу край венчика. Венчики были следующих разновидностей: с горизонтальным срезом края, с закругленным верхом и утончающиеся к краю. Один из небольших сосудов имел расширение округлобокого тулова до 10 см в средней части высоты. Небольшое количество крупных обломков сохранилось с плечиками и верхними частями тулова. Данное обстоятельство позволило зафиксировать размеры максимального расширения тулова у горшков конической формы. У маленьких эти данные равны 11–16 см, у сосудов средней величины – 22–24 см, тогда как у больших они достигают 30–43 см. Заметим, что в коллекции рельефные плечики двух видов: с закругленным ребристым выступом (рис. 7: 6; 7) и с биконическим ребром. Горшки с биконическим ребром были редкостью на поселении, о чем свидетельствуют единицы обломков (20 шт.). Среди фрагментов есть одна стенка, которая на внешней поверхности имеет оттянутое ребро в виде рельефного биконуса (рис. 7: 9). В большем количестве в пользовании у жителей городища находились горшки с ребристым плечиком

закругленной формы. Один из крупных фрагментов штрихованного горшка имеет цепочку горизонтальных защипов через равные промежутки. Они нанесены по закругленному ребру плечика (рис. 7: 8). Горизонтальные защипы по плечу – редкий орнамент на штрихованных сосудах. А.В. Ильютик отмечает такие факты на городищах Лабенщина и Збаровичи (Ильютик, 1995, с. 67, рис. 2: 2, 4–6; 3: 5; 4: 7; 5: 7; 6: 1, 5; Она же, 1998, 27, рис. 4: 2, 4). Исходя из материалов керамического комплекса, на данном памятнике можно выделить две разновидности горшков: профилированные S-образной формы и ребристые.

Профилированные сосуды имеют отогнутый наружу венчик, суженную шейку, плавно переходящую в округлобокое тулово (рис. 6). В придонной части тулово сужалось и переходило в уплощенное дно небольшого диаметра (рис. 7: 1). У рассматриваемых горшков шейки были как плавно вогнутые, так и с резким изгибом под тупым углом. Большинство венчиков сломано по изгибу шейки. Верхние половины профилированных горшков имеют некоторое подобие с сосудами милоградской культуры, за что их следует называть милогроидными. Шейки у профилированных сосудов украшались иногда ямочными вдавлениями в один ряд через определенные промежутки. Ямочки выполнены круглой в сечении палочкой, которая ставилась перпендикулярно поверхности сырого изделия (рис. 6: 5; 7: 2). Фактура у них груболепная и штрихованная.

Горшки ребристой формы имели плоское дно. Стенки тулова расширялись прямо от дна к

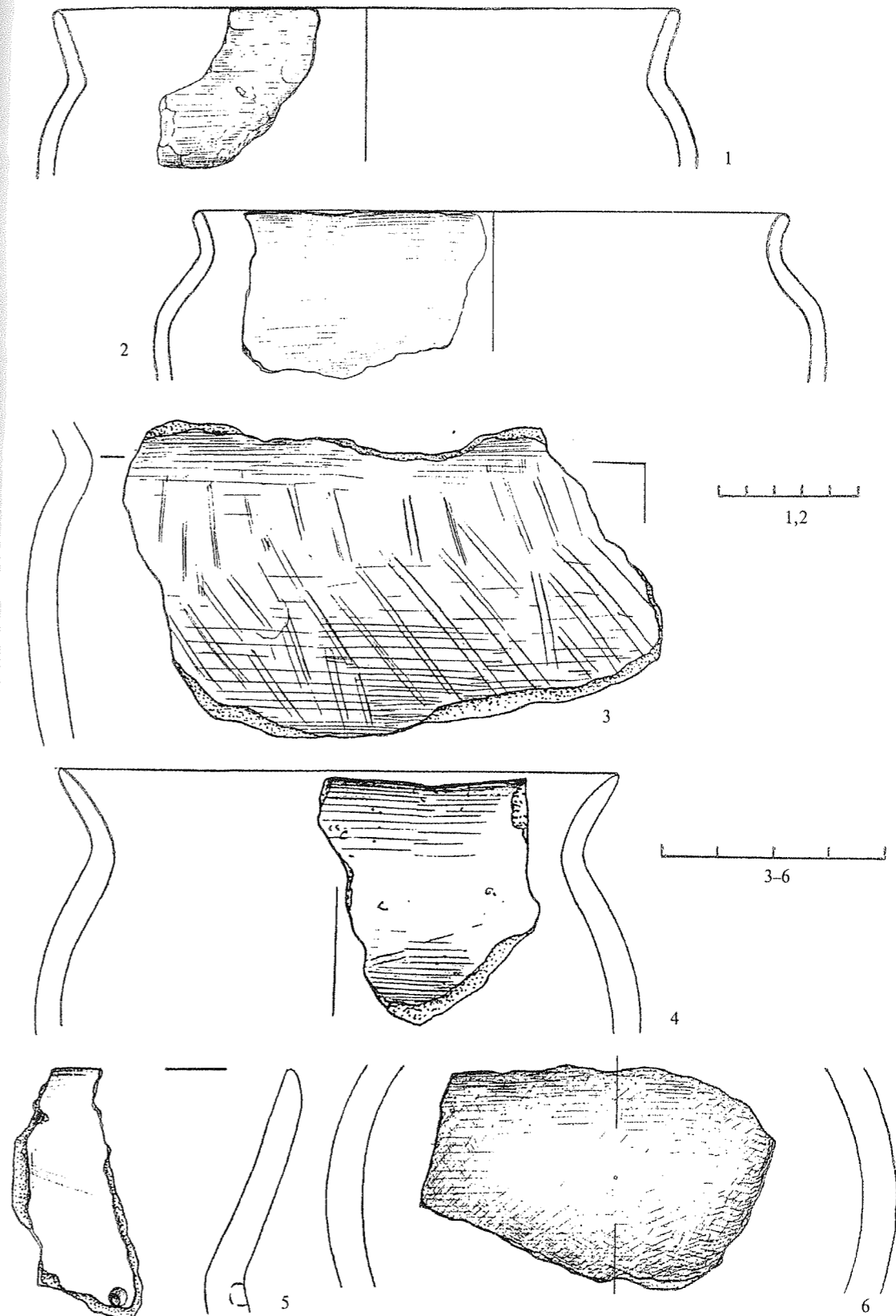

Рис. 6. Профилированная посуда с Палицкого городища.

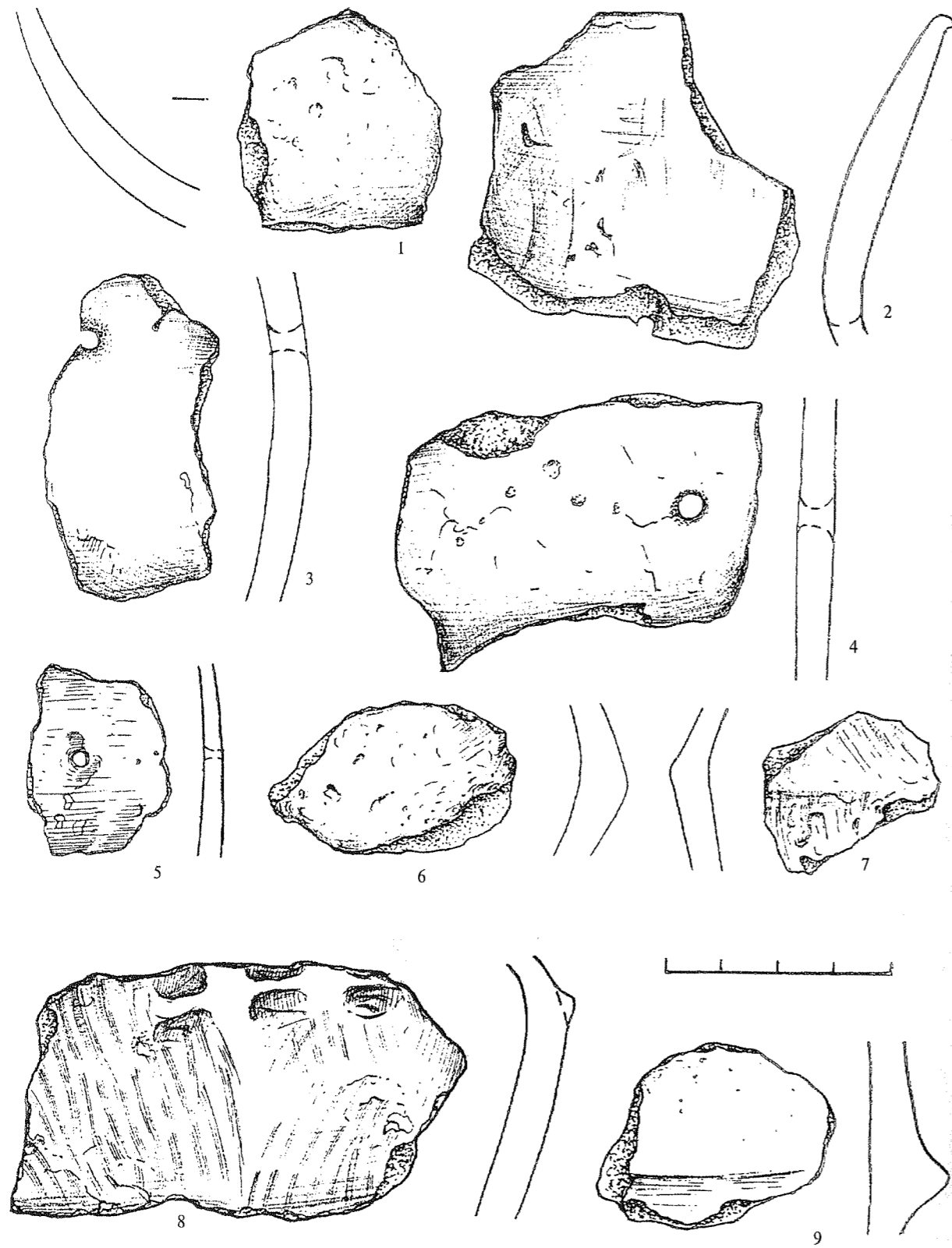

Рис. 7. Керамика с поселения Палицкое.

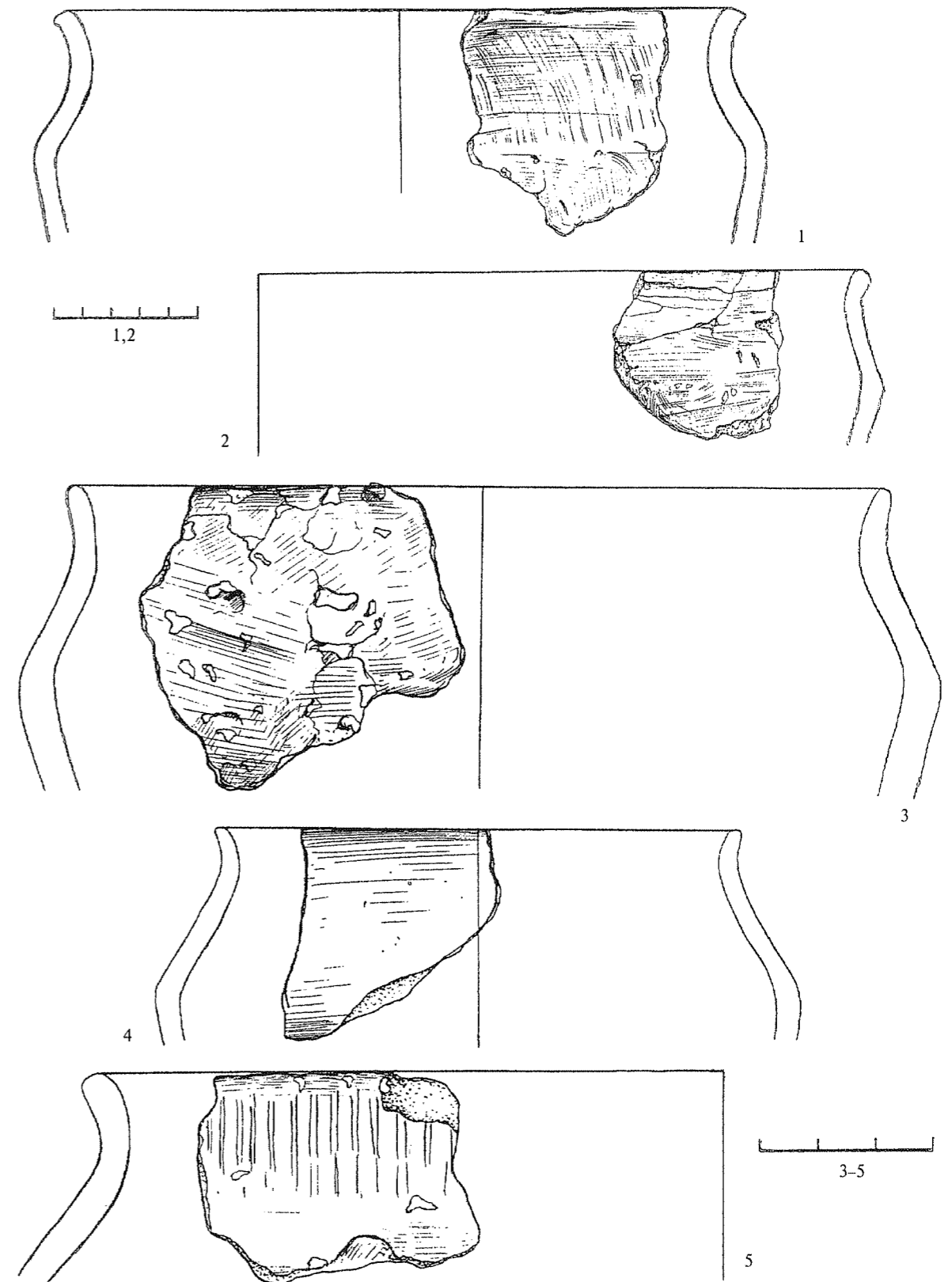

Рис. 8. Ребристая посуда.

плечикам (рис. 8). Плечики у них в виде рельефного выступа, который постепенно переходит в вогнутую шейку. Верхние части у рассматриваемых сосудов были трех разновидностей: у одних венчик был наклонен внутрь, образуя тупой угол с туловом; у других плавным изгибом шейки он отгибался наружу (рис. 8: 5), у третьих от плечика венчик наклонялся внутрь, но верхний край его затем отгибался наружу (рис. 8: 1). Степень отогнутости венчиков была разной – от 10 до 30°. На Палицком городище у ребристых горшков преобладали венчики третьей разновидности.

Керамический комплекс позволяет констатировать лишь такие формы посуды, как и горшки профилированных и ребристых форм. Сосуды же баночной формы у населения данного поселка в употреблении не имелись. Посуда баночных форм редко встречалась и на других поселениях «штриховиков» в бассейне Березины, о чем свидетельствует ее низкий удельный вес по сравнению с охарактеризованными выше формами (Ильютик. 1998, с. 26–28, табл. 3, 4).

Ассортимент посуды у жителей изучаемого поселения не ограничивался горшками профилированных и ребристых форм, которые имели грубую и штрихованную поверхности. Обломки стенок гладкостенных сосудов толщиной 0,4 см могут свидетельствовать о небольших размерах столовой посуды. Обломки мисок не имеют нагара. А лощеная посуда на городище Палицкое – явление редкое. Горшки и миски были небольших размеров. Крупный обломок лощеной миски имеет диаметр по ребру максимального расширения 24 см (рис. 9: 1). Использование лощеной посуды было ограниченным. Ее употребляли, по-видимому, для хранения жидкостей либо в ритуальных целях.

На всю керамическую коллекцию приходится две стенки, плечико и шейка от сосудов со сквозными отверстиями (рис. 7: 2–5). Такое явление некоторые московские археологи рассматривают как «следы починки сосудов» (Розенфельдт, 1974, с. 117). Гладкостенная, лощеная и штрихованная посуда на поселении не украшались.

Визуальный осмотр фрагментов керамики позволил отобрать стенки, днища и венчики с отпечатками зерен растений. В коллекции 1995 года было 8 обломков с 9-ю отпечатками (на одном – два). А в материалах 1996 года у 10 фрагментов имелось по одному отпечатку. Интересно, что у найденных в 1995 году преобладали оттиски пшеницы, а в 1996 году – проса. Среди всех 19 оттисков 10 – от проса, 7 – от пшеницы и 2 – от других злаковых культур. Идентификацию

их выполнил кандидат биологических наук Д.И. Третьяков в лаборатории систематизации растений Института экспериментальной ботаники НАН Беларуси. Несмотря на малое количество фактов искусственных добавок зерен растений в формовочную массу, они все же нуждаются в объяснениях. Рассматриваемое явление имело место у жителей городища, хотя и носило, видимо, весьма ограниченный характер. Нам представляется, что вряд ли оно было обусловлено технологической необходимостью. Если бы это было так, то отпечатки зерен растений обнаруживались бы почти на каждом обломке посуды, как это наблюдается с другими примесями. Единичность же подобных случаев, с нашей точки зрения, следует рассматривать как результат каких-то ритуальных действий. Такие действия – обрядность, которую можно связывать с аграрной магией. При каких обстоятельствах она осуществлялась, неизвестно. Вполне возможно, что такое символическое действие, как осыпание зерном, выполнялось в первый день весенней пахоты либо же в начале или по окончании уборки нового урожая. Думается, нельзя исключать и обожествления самого процесса изготовления посуды местным мастером (Лошенко, 1994б, с. 95; Лашанкоў, 1997а, с. 32). Возможно, зерном осыпали начало работы ученика, своеобразно приобщая его к будущему ремеслу, или таким действием переводили молодого умельца в профессионального мастера. Зерна растений мастер мог подсыпать в глиняное тесто для лепки специальной ритуальной посуды. Рассматриваемый факт не единственный на памятниках раннего железа лесной полосы Беларуси. Авторам уже отмечались подобные немногочисленные случаи на городищах Эсьмоны в Бельничском, Петровичи в Бобруйском районах и поселении Сорочи в Любанском районе (Лашанкоў, 1994а, с. 30.; Он же, 1997а, с. 32). Ранее отпечатки зерен на древней керамике отмечались исследователями у населения милоградской и зарубинецкой культур (Мельниковская. 1967, с. 97; Пачкова, 1974, с. 11–30, табл. 1).

Коллекция фаунистических материалов из раскопов небольшая, всего 205 экземпляров (4,2% от всех материалов), в числе которых 28 зубов и 177 костей. В культурном слое поселения они встречались планиграфически и стратиграфически неравномерно. Зубы и кости животных фиксировались в отдельных местах преимущественно в четвертом, пятом и шестом раскопных пластах. Единичными экземплярами фоссилии находились во втором, третьем, седьмом и восьмом пластах и ямах. В первом пласте они не выявлены. Целых костей и зубов

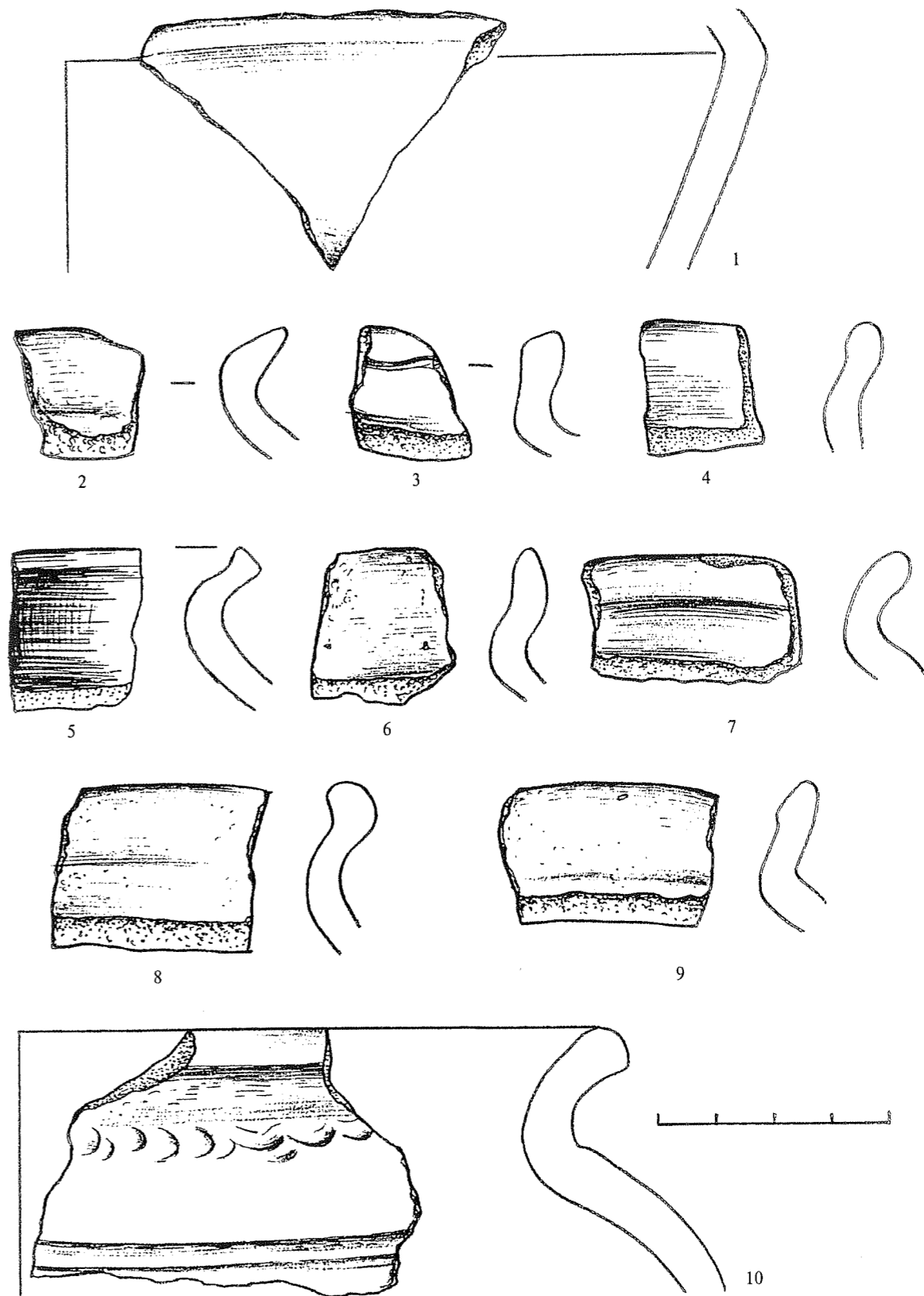

Рис. 9. Лощеная и гончарная керамика (1 – лощеная; 2–10 – гончарная).

почти не сохранилось, большинство их выявлено в разломанном и полуистлевшем виде. Среди них много обломков от разбитых трубчатых костей, что говорит о преднамеренном их расщеплении для употребления костного мозга. П.Ф. Калиновскому удалось определить 21,5% всех материалов. Среди 44 определимых костей и зубов остатки только домашних животных. Крупный рогатый скот – 32 фоссилии принадлежат 8 особям. На втором месте по количеству особей находится свинья. От трех голов животных есть четыре экземпляра костей с зубами. Остатков лошади мало – 7 костей от двух особей. Исходя из материалов, последнее место в домашнем стаде занимал мелкий рогатый скот: козы, овцы. Они представлены минимальным количеством костей. Выполненная П.Ф. Калиновским работа позволила определить не только видовую принадлежность животных, но и, что очень важно, установить количество особей – 14. Учитывая то, что 78,5% остеологической коллекции оказалось непригодной для определения видов, можно полагать, что среди них были остатки и диких животных. Трудно себе представить, что, проживая в лесной местности, обитатели изучаемого городища не занимались охотой. На памятниках населения этой же культуры Кимия, Лабенщина, Новоселки, которые находятся в 150 км северозападнее Палицкого, кости диких животных есть в культурном слое (Митрофанов, 1978, с. 44, 46–47, табл. 11).

Часть коллекции массовых материалов на поселении составляют отходы черной металлургии – шлаки. Их собрано 906 кусков, что составляет 18,4% всех находок. В толще культурного слоя куски шлаков встречались неравномерно. Они фиксировались с первого по шестой раскопочные пласты включительно. Подсчеты показывают, что наиболее насыщенными являлись второй (98 шт.), третий (116 шт.), четвертый (219 шт.) и пятый (118 шт.) пласты. Попадались шлаки и в материковых ямах, где их выявлено 261 единица. Так, в одной яме на склоне останца их имелось 250 штук. Довольно часто шлаки фиксировались по одному куску на квадрат, а в некоторых квадратах вовсе отсутствовали. Вместе с тем в отдельных местах раскопов они встречались концентрированно. В подавляющем большинстве шлаки металлургии железа были небольших размеров. Куски большой величины – явление редкое. В коллекции шлаки густотекучие, пористые и со стекловидной коркой. Визуальный просмотр показал, что отдельные куски содержат отпечатки древесины либо древесного угля.

Помимо статистических подсчетов, стратиграфических и планиграфических наблюдений,

визуальных просмотров, они проверялись еще на взаимодействие с магнитом. Из всей коллекции шлаков 75 реагируют на магнит. Одни слабо притягиваются, другие – удерживают себя в «подвешенном» состоянии, а третьи – очень сильно «держатся» за магнит. Благодаря последнему обстоятельству М.Ф. Гуриным обнаружены два небольших кусочка железа. Исследование отходов металлургии магнитом показало, во-первых, что вместе с кусками шлаков иногда выбрасывались и кусочки железа, а во-вторых, небольшое количество железа (доли процента) оставалось в шлаках, о чем свидетельствует их слабая реакция на магнит. Несмотря на то, что получена большая коллекция отходов металлургии железа, найти объекты его производства – развалы печей-домниц на исследованном памятнике не удалось. Не обнаружены в слое поселения и железные изделия кузнецов, относящиеся к последним векам до н.э. – началу I тысячелетия н.э. Это можно объяснить только тем, что на раскопанной окраине городища железных предметов просто не было. А те изделия, которыми пользовались обитатели поселка, уже навсегда поглощены рекой.

Небольшая коллекция индивидуальных предметов в зависимости от материалов изготовления делится на изделия из камня, бронзы и глины.

Среди каменных орудий труда есть два сделанные из кремня. Одно из них – сечение пластинки с заломом по краям, согласно определению В.П. Ксензова. Оно продолговатой формы и трапециевидное в сечении (рис. 10: 11). Пластина, несомненно, являлась вставкой какого-то комбинированного орудия. Другое – по определению И.Н. Езепенко – скобель. Он сделан из обломанной пластины и оформлен крутой ретушью по одному краю. Размеры кремня: длина 2,5 см, ширина 1,5 см, толщина от 0,45 до 1 см. На одном участке пластины есть меловая корка.

Значительно большую часть каменных предметов составляют находки зернотерок. В культурном слое памятника их обнаружено семь единиц. В числе выявленных четыре нижних камня, включая обломки. Для нижних камней зернотерок жители поселка использовали валунный камень серого цвета, по-видимому, гранит. О размерах рассматриваемых орудий можно судить по наиболее сохранившемуся экземпляру, который состоит из пяти кусков. Размеры камня: длина 16 см, ширина – 13,5 см, толщина – 10 см. У данной зернотерки есть три рабочие плоскости. Самая большая из них – прямоугольной формы с закругленными углами. Две другие, треугольной и овальной формы, – меньших размеров. Они находятся на боковых поверхностях. Все рабочие

поверхности у нижних зернотерок шершавые с неглубокими ямочками-насечками. Верхние камни зернотерок – терочки – также найдены на поселении. Их три. Они имеют естественную округлую форму и по одной рабочей стороне. Размеры их разные, от 4х6 см и более. Они удобны для удержания в одной руке. Таким образом, судя по материалам раскопок, жители Палицкого городища для размалывания зерна в муку пользовались одноручными зернотерками, вероятно, небольших размеров.

Металлических изделий обнаружено примерно на половину меньше, чем каменных. Важно подчеркнуть, что все они бронзовые: две булавки, браслет и стержень. Булавки разных видов. Они сделаны из круглой в сечении проволоки толщиной 0,3 см. У них обломаны нижние концы стержней, поэтому длина изделий неизвестна. Одна из булавок посоховидная (рис. 10: 1). Она имеет наверху округлой формы большого размера (2,6х3,1 см). Эсовидный завиток в виде маленького колечка, конец которого раздвоен. Другая булавка – зажим (рис. 10: 2). Ее конструкция вполне соответствует такой функции. Верхняя часть ее – небольшое кольцо-пружина, от которой отходят параллельно два стержня. Один, прямой и более длинный, к концу утончается. Второй тоже длинный (до 5,5 см), но короче первого. Его конец расклепан в пластинку и загнут в колечко наружу (рис. 10: 2). Булавки-зажимы – новый тип. Они встречаются пока только на памятниках бассейна Березины. Кроме Палицкого, они найдены еще на городищах Чижиха, Щатково и селище Красная Зорька (Лашанкоу, 1997 б, рис. 1: 1–5). Всего известно пять булавок данного типа.

Браслет найден в деформированном виде и разломанным на четыре части. Форма его овальная (рис. 10: 3), концы разомкнуты. Он сделан из граненой проволоки сечением 0,4х0,45 см. Внутренняя поверхность браслета линзовидно выгнутая, внешняя – биконическая, бока закруглены. Максимальная толщина стержня – в средней части изделия, а концы у него утончаются. В слое поселения найден еще один бронзовый предмет – граненый стержень с нарезным орнаментом (рис. 10: 4). Длина его 3,8 см, толщина 0,3х0,43 см.

Глиняных изделий из раскопов происходит немного. Пряслиц всего пять. Целых среди них нет. Обломки позволили сделать реконструкцию их форм (рис. 10: 5–10). По способу изготовления они разные: четыре лепные (рис. 10: 5, 6, 8, 10) и одно точеное из стенки чернолощеного сосуда (рис. 10: 7). Размеры пряслиц такие: диаметры от 2,6 до 3,4 см, толщина 0,5–2,5 см, отверстия

0,5–1,1 см. Лепные пряслицы, как и посуда, с примесью дресвы. Цвет их коричневый. Еще две пряслица найдены Л.В. Жираевой и Л.Д. Поболем (рис. 10: 9) (Жихарева, 1971, 46; Поболь, 1974, рис. 94: 9).

Материалы раскопок городища Палицкое убедительно показывают принадлежность его населению культуры штрихованной керамики. С нашей точки зрения, их нельзя отождествлять с племенами милоградской и зарубинецкой культур, как это делалось ранее (Лашанкоу, 1997а, с. 32–33). Ярким подтверждением сказанному является рассмотренный нами керамический комплекс. Тем не менее не существует единого мнения о рассматриваемых древностях. Так, А.А. Егорейченко активно отстаивает милоградскую и зарубинецкую атрибуцию подобных материалов (Егорейченко, 1996, с. 66, 68–69; Он же, 1997, с. 75; Егарэйчанка, 1999а, с. 117–118; Он же 1999б, с. 223). Охарактеризованные индивидуальные находки с Палицкого городища не имеют узких датировок. Население изучаемого памятника являлось частью общего массива племен «штриховиков», проживавших в бассейне Березины во II в. до н.э. – I в. н.э. (Лошенко, 1996, с. 51–53; Лашанкоу, 1997б, с. 147–155; Ильютик, 1998, с. 25–39).

В начале 60-х годов рядом с городищем Палицкое найден случайно фрагмент железного наконечника копья (Поболь, 1974, с. 272, рис. 94: 11). Длина сохранившегося экземпляра 13,6 см. Перо у него обломано. Оно ромбовидное в сечении (рис. 11: 2). Его длина до излома около 9 см, а ширина – 2,6 см. Перо плавно переходит в черенок, прямоугольный в сечении (0,8х0,3 см). Утончающийся конец черенка обломан. Форма сохранившегося экземпляра позволяет найти ему аналоги. По классификации наконечников копий балтского населения В. Казакивичюса, он относится ко 2 группе VIII типа, черешковых, лавролистобразной формы (Казакивичюс, 1988, с. 22, 57–60). Подобные наконечники датируются VII–VIII в.в. н.э. Они были характерны для леттолитовских и угро-финских племен в указанное время, а в начале IX в. н.э. выходят из употребления.

На рассматриваемом памятнике выявлены в небольшом количестве материалы начала II тысячелетия. В процессе раскопок в первом и втором раскопочных пластах обнаружена керамика от посуды, изготовленной на гончарском круге. Среди 28 обломков – 12 венчиков и 16 стенок. Формы венчиков разные (рис. 9: 2–10). На этом поселении гончарную керамику в небольшом количестве находили Э.М. Загорюльскнй и Л.Д. Поболь (Лашанкоу, 1997 а, с. 33), встречалась она и

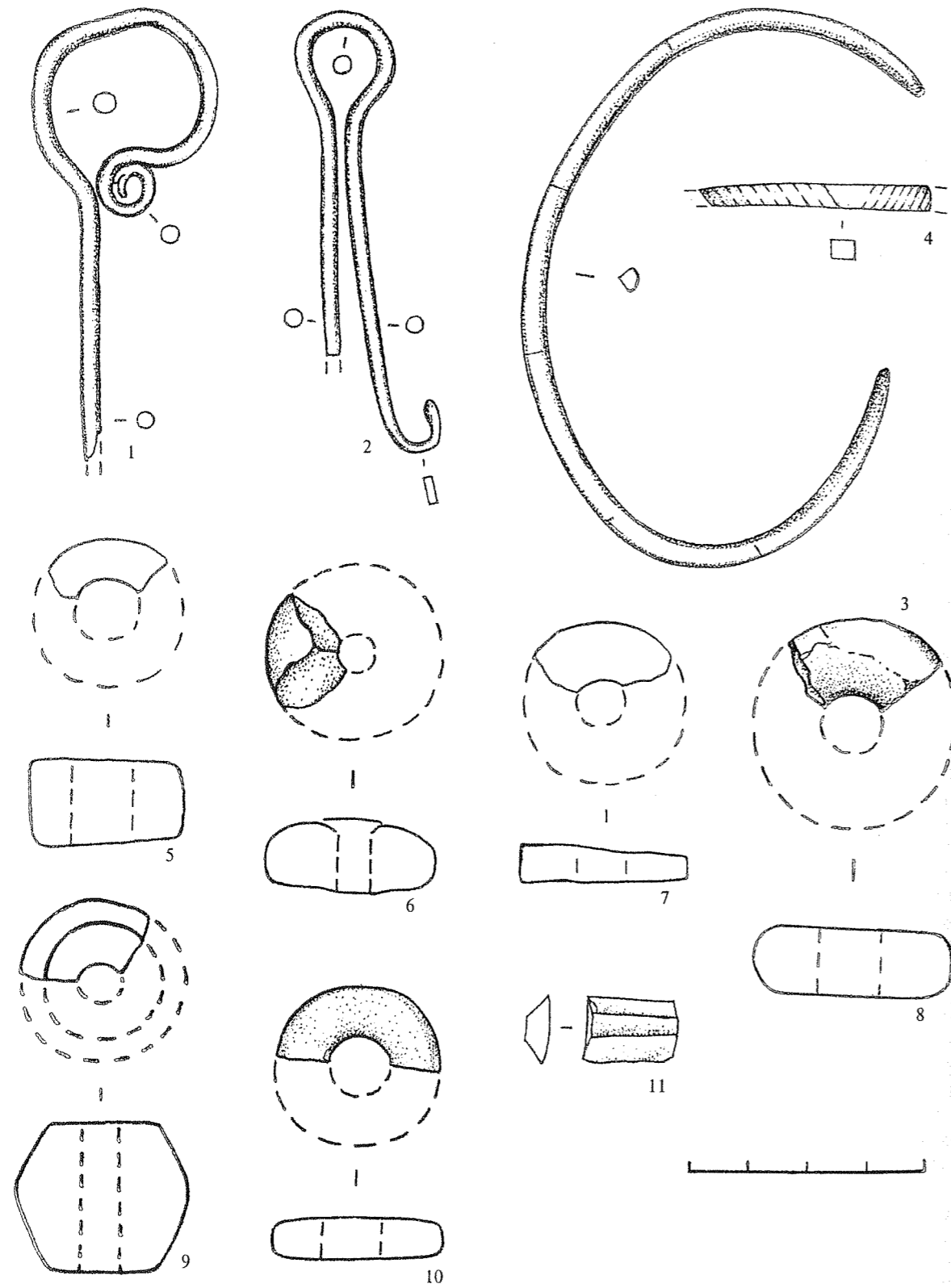

Рис. 10. Находка из бронзы (1-4), глины (5-10) и кремня (11).

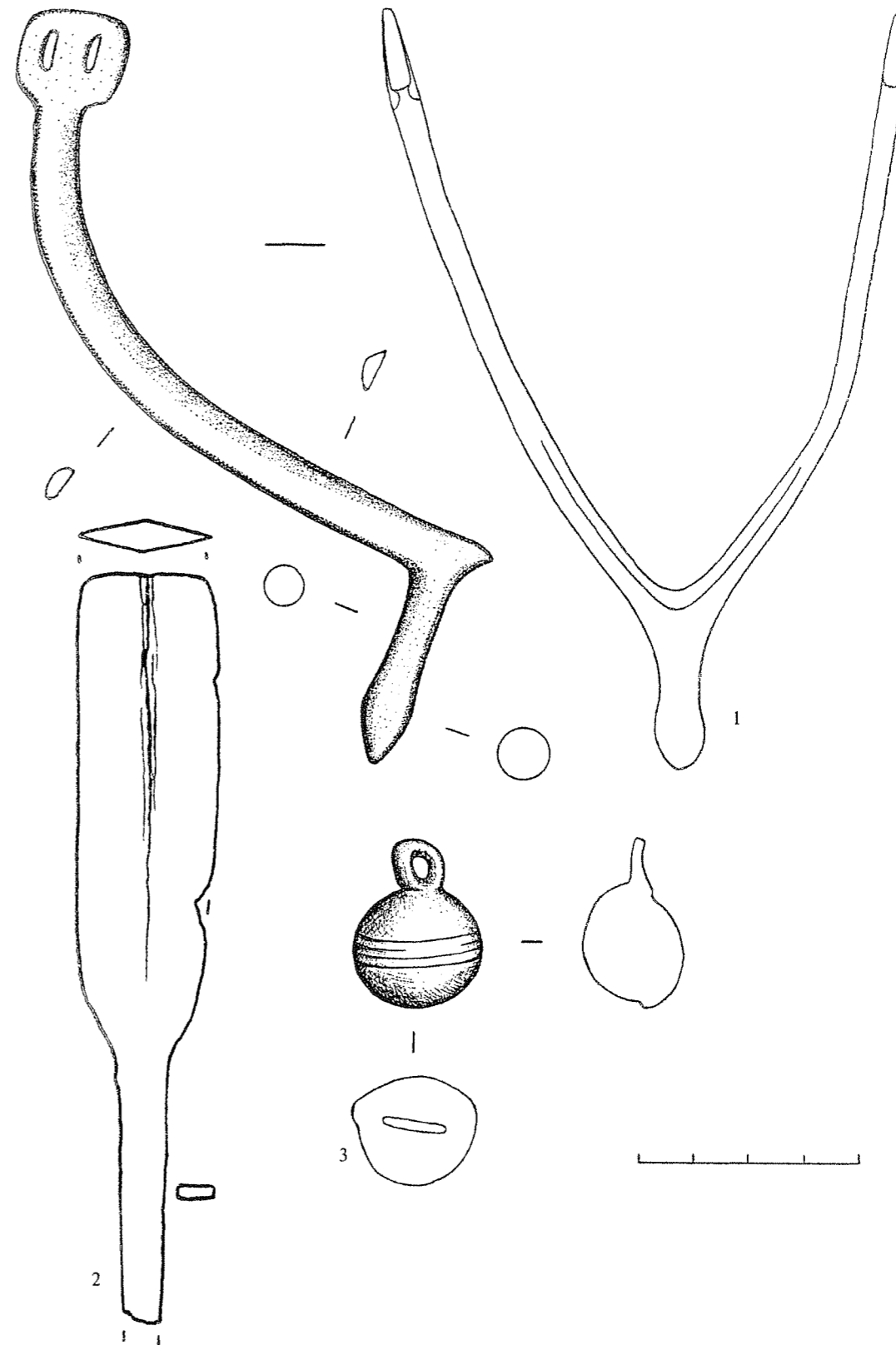

Рис. 11. Изделия из железа (1,2) и бронзы (3).

в пойме около городища (Шутаў, Улашчык, 1930, с. 116). Кроме керамики эпохи Киевской Руси, из слоя поселения происходят еще бронзовый бубенчик и железная шпора. Бубенчик находился во втором пласте на глубине 0,35 м от поверхности. Он шарообразный с одной продольной прорезью внизу (рис. 11: 3), в средней его части есть три неглубоких ровика. Диаметр шара около 2,3 см. Украшение найдено в деформированном состоянии. Подобные вещи датируются XI–XIII в.в. н.э. (Дучыц, 1991, с. 52). Железная шпора была в первом пласте, рядом с остатками сторевшего столба, на глубине около 0,2 м. Дуга шпоры V – образной формы (рис. 11: 1). Одна из ее боковых сторон слегка деформирована. По форме дужки она близка к группе «угловых» шпор III типа по классификации А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1973, с. 65–66). На краях дужки – пластинчатые петли прямоугольной формы с двумя узкими прорезями для крепления кожаными ремнями. Шип соединен с дужкой под прямым углом и опущен вниз, он простой формы (рис. 11: 1). Такие шпоры по аналогиям датируются XII – первой половиной XIII в. (Кирпичников, 1973, с. 65–66).

Вышеотмеченные материалы начала II тысячелетия н.э. оставлены, несомненно, населением летописных племен дреговичей. Отметим, что заметного горизонта культурного слоя славян-дреговичей на Палицком городище не зафиксировано. Следы же их непродолжительного

ЛИТЕРАТУРА

- Дучыц Л.У., 1991 – Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV ст.ст. – Мн., 1991.
- Егорейченко А.А., 1996 – Древнейшие городища Белорусского Полесья. – Мн., 1996; Егорейченко А.А., 1997 – Поздний этап культуры штрихованной керамики // Этногенез и этнокультурные контакты славян. – Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. – М., 1997. – Т. 3. С. 73–76.
- Егарэйчанка А.А., 1999а – Культура штрихованной керамики // Археалогія Беларусі. Мн., 1999 а. – Т. 2. С. 113–173.
- Егарэйчанка А.А., 1999б – Зарубінецкая культура // Археалогія Беларусі. – Мн., 1999 б. – Т. 2. С. 232–289.
- Жихарева Л., 1971 – Городище Городок // Тезисы III региональной студенческой археолого-этнографической конференции вузов Северо-Запада СССР. – Рига, 1971. – С. 45–48.
- Ильютник А.В., 1995 – Керамика городища Лабенщина // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн., 1995. – № 6. С. 57–77.

пребывания на городище раннего железа есть. В каких целях использовалось укрепленное поселение «штриховиков» славянским населением, сказать трудно. Присутствие славян зафиксировано не только около городища в пойме, но и еще в нескольких местах. В 0,6 км западнее данного памятника, в лесу есть одиночный курган. В 1 км далее на запад, на левом берегу речушки Кровавой, протекающей между деревнями Новоселки и Палицкое, напротив бывшего поселка Ямного имелась курганная группа из шести насыпей. В 0,8 км северо-западнее городища, в лесу – одиночный курган по дороге в деревню Притерпа. Эти факты свидетельствуют о проживании в данной местности немногочисленного сельского населения дреговичей.

В результате раскопок городища Палицкое удалось установить следующее. Это укрепленное поселение было основано балтскими племенами культуры штрихованной керамики примерно во II в. до н.э. Жизнь на нем продолжалась около трех веков. К концу I в. н.э. поселок прекращает функционировать. Подобное явление наблюдается и на близлежащих памятниках: Чижыха, Щатково, Петровичи. Примерно через тысячу лет в окрестностях Палицкого городища появляются славяне-дреговичи. Сельское население дреговичей, по-видимому, немногочисленное, оставило следы своего пребывания не только на городище «штриховиков», но и на сопредельной с ним территории.

- Ильютник А.В., 1998 – Керамика городища железного века бассейна Березины // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мн., 1998. – № 13. С. 25–39.
- Казакевич В., 1988 – Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. – Вильнюс 1988.
- Кирпичников А.Н., 1973 – Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XII в.в. // САИ. Вып. Е1–36. – Л., 1973.
- Лашанкоў М.І., 1994а – Гарадзішчы ранняга жалеза ніжняй Бярэзіны // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. – Мн., 1994 а. – Ч. I. С. 29–34.
- Лошенко М.И., 1994б – Эсьмоны – городище-убежище первой половины I тысячелетия нашей эры в бассейне реки Друть // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. – Магілёў, 1994 б. – С. 90–103.
- Лошенко М.И., 1996 – Этнокультурные процессы в междуречье Днепра и Припяти в последних веках до н.э. – I в. н.э. // Беларусь у сістэме транс'еўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. – Мн., 1996. – С. 51–53.

Лашанкоў М.І., 1997а – Паліцкае гарадзішча і яго месца сярод помнікаў басейна Бярэзіны // Заслаўскія чытанні 1995 года. – Заслаўе, 1997 а. – С. 30–38.

Лашанкоў М.І., 1997б – Аб часе з'яўлення «штрыхавікоў» у паўднёва-ўсходняй Беларусі // Этногенез и этнокультурные контакты славян. – Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. – М., 1997б. – Т. 3. С. 147–155.

Мельниковская О.Н., 1967 – Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. – М., 1967

Митрофанов А.Г., 1978 – Железный век Средней Белоруссии. – Мн., 1978.

Пачкова С.П., 1974 – Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. – Київ, 1974.

Поболь Л.Д., 1974 – Славянские древности Белоруссии. – Мн., 1974. – С. 269–272. Розенфельдт И.Г. – Керамика Щербинского городища // Дьяковская культура. – М., 1974. – С. 111–182.

Шутаў С.С., Улашчык М.М., 1930 – Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ўлетку 1926 г. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы археалёгічнай камісіі. – Менск, 1930. – Т. II. С. 105–120.

PALITSKOJĖS PILIAKALNIS

Michailas Lošenkovas

Santrauka

Palitskojės piliakalnis yra Berezinos vidurupyje, 10 km aukščiau Svisločio santakos su Berezina. Jis įrengtas dešiniojo kranto aukštame iškyšulyje, 1,5 km į rytus nuo kaimo (1 pav.). Piliakalnis surastas 1926 metais S. Šutovui ir N. Ulašėikiui žvalgant Svisločio upės žemupį. Jie aprašė paminklą, išmatavo jį ir įvirtinimus, nubraižė planą (2 pav.). 1995–1997 metais straipsnio autorius tyrinėjo Palickojės piliakalnio šiaurinę dalį (200 m²), surado 4926 dirbinius. Buvo nustatyta, kad piliakalnis buvo apgyventas jau nuo II a. pr. Kr. Baltų gentys gyveno jame apie 300 metų. Apie I a. pr. Kr. pabaigą piliakalnyje jau nebe gyventa. Gausiausia radinių grupė – keramika. Ji šurkščiu paviršiumi (51,7 proc.), brūkšniuota (44,2 proc.), lygiu (3,5 proc.) ir gludintu paviršiumi (0,6 proc.) (4 pav.). Keramikos kaitos dinamika parodyta grafiškai (5 pav.). Vyrauja Milogrado kultūros keramikos formos (6, 7:1–3 pav.).

Rasti 205 osteologinės medžiagos pavyzdžiai: 28

dantys ir 177 kiti kaulai. P. Kalinovskui pavyko nustatyti 21,5 proc. visos osteologinės medžiagos. Tai kelių naminių gyvulių, tarp kurių yra 8 karvių 32 kaulai, 3 kiaulių 4 kaulai, 2 arklių, 7 kaulai ir 1 ožkos ar avies kaulas. 78,5 proc. neatpažintų gyvulių kaulų greičiausiai priklausė laukiniams žvėrimis.

Geležies lydymo verslui priklausio 906 gabalai šlako. Jis pasklidęs įvairiuose kultūrinio sluoksnio horizontuose. Surasti ir 2 geležies gabalai. 75 šlako gabaluose daug geležies ir jie reaguoja į magnetą.

Surasta taip pat 20 dirbinių. Tai titnaginys gremžtukas ir skeltė (10:11 pav.), trinamųjų girnų dalys, žalvariniai lazdeliniai smeigtukai (10:1 pav.), pincetas (10:2 pav.), apyrankė (10:4 pav.), moliniai verpstukai (10:3, 5–10 pav.).

Po 1000 metų šiame piliakalnyje pasirodė dregovičiai. Jie paliko savo gyvenimo pėdsakų – keramikos (9:2–10 pav.), žalvarinį žvangučių (11:3 pav.), pentiną (11:1 pav.). Ši medžiaga datuojama XI–XIII a.

Iš rusų k. vertė Vytautas Kazakevičius

ILIUSTRACIJŲ SAŖAŠAS

- 1 pav. Palickojės piliakalnio planas.
- 2 pav. 1926 m. piliakalnio planas.
- 3 pav. 1995 metais autoriaus sudarytas planas.
- 4 pav. Įvairių keramikos rūšių santykis Paleckojės piliakalnyje (1 – stambaus lipdymo, 2 – brūkšniuotoji, 3 – lygi, 4 – gludinta).
- 5 pav. Įvairios faktūros keramikos santykis įvairiuose Palickojės piliakalnio sluoksniuose (1 – stambaus lipdymo, 2 – brūkšniuotoji, 3 – lygi, 4 – gludinta).

- 6 pav. Profiliuoti indai iš Palickojės piliakalnio.
- 7 pav. Keramika iš Palickojės gyvenvietės.
- 8 pav. Briaunoti indai.
- 9 pav. Gludinta ir žiesta keramika (1 – gludinta keramika, 2–10 – žiesta keramika).
- 10 pav. Radiniai iš bronzos (1–4), molio (5–10) ir titnago (11).
- 11 pav. Gaminiai iš geležies (1, 2) ir bronzos (3).

Iš rusų k. vertė Inita Tamošiūnienė

HILLFORT PALITSKOJE

Michail Loshenkov

Summary

Hillfort Palitskoje is situated in the middle flow of the river Berezina. This hillfort is located on the glacier remainer in the water-meadow of the right bank, in 10 km higher of the confluence river Svislotch into Berezina.

This ancient hillfort is situated in 1,5 km to the east from the village Palitskoje (Mogilev region, Osipovichi district) (Fig. 1). In 1995–1997 the author examined its north side (Fig. 2,3), area 200 m². We received the collection of materials of 4926 artefacts. It turned out that this settlement was founded by population of the Scratched Ware Culture near II century B. C. Ancient Balts lived here for about 3 centuries. At the end of 1st century A.D. the life in this place finished. The inhabitants of the hillfort used modeled pots. By processing technique and type of surface plates and dishes are different: pipe-modeled (51,7%), scratched (44,2%), smoothed (3,5%) and polished (burnished) (0,6%) (Fig. 4). Correlation of this types of ceramics according to strata is showed on the diagram and in the table (Fig. 5; table). Milograd profiled forms of the ceramics prevail (Fig. 6; 7:1–3). Ribbed pots took wide spread, too (Fig. 7:6–8; 8). Glossy plates used side by side with pots (Fig. 9:1). 19 fragments took traces of the grains. Ceramics of early iron age amounted 76,3% of all materials.

LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. The plan of situation of Hillfort Palitskoje

Fig. 2. The plan of the Hillfort dated 1926

Fig. 3. The plan made by the author in 1995

Fig. 4. The correlation of different types of ceramics in the Hillfort Palitskoje (1 – pipe-modeled, 2 – scratched, 3 – smoothed, 4 – burnished)

Fig. 5. The correlation of ceramics of different factories to strata of Hillfort Palitskoje (1 – pipe-modeled, 2 – scratched, 3 – smoothed, 4 – burnished)

From the excavation occurred 205 fauna materials (28 teeth and 177 bones). P. Kalinovski identified 21,5% of all the collection. He classified some types of domestic animals: cow raising (individuals, 32 bones), pigs (3 individuals, 4 bones), horse (2 individuals, 7 bones), goats and sheep (1 individual, 1 bones). Probably, among 78,5% of non-identified bones were remains of wild animals.

With development of production of iron we can connect a lot of slags (906 fragments). Slags are met in the strata irregularly. We found among them two pieces of iron. 75 pieces of slag react on the magnet.

There are only 20 individual items in collection: a flint scraper and a fragment of the chip (Fig. 10:11), four three millstones and four lower quern stones. Women used bronze decorations: crook-shaped pins (Fig. 10:1), clutch pins (Fig. 10:2), bracelets (Fig. 10:2), bracelets (Fig. 10:3). They made spinning wheels from clay (Fig. 10:5–10).

Almost about 1000 years later, the representatives of the Scratched Ware Culture on this settlement appeared Dregovichi. They left a lot of fragments of ceramics (Fig. 9:2–10), an iron spur (Fig. 11:1) and a bronze bell (Fig. 11:3). These materials are dated to the 11th–13rd centuries.

Fig. 6. Profiled dishes from Hillfort Palitskoje

Fig. 7. Ceramics from settlement Palitskoje

Fig. 8. Ribbed pots

Fig. 9. Burnished ceramics and pottery (1 – burnished ceramics, 2–10 – pottery)

Fig. 10. Finds of bronze (1-4), clay (5–10) and flint (11)

Fig. 11. Finds of iron (1,2) and bronze (3)

Translated by Inita Tamošiūnienė

Кандидат ист. наук Михаил Иванович Лошенко
Нацыянальная Акадэмыя Новук Беларусі,
Інстытут гісторыі,
бул. Б. Скарны 1, 220072–Мінск. Тел. 2 68 58 89

RUSIŠKOS MONETOS LIETUVOS DIDŽIOSIOS KUNIGAİKŠTYSTĖS VAKARINĖS DALIES PINIGŲ APYVARTOJE XVI–XVIII A.

LINAS KVIZIKEVIČIUS

Lietuvos istoriografijoje mažai dėmesio skiriama Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pinigų rinkai aptarti. Šis klausimas plačiau neliestas dėl kelių priežasčių. Viena iš jų – rašytinių šaltinių, susijusių su XV–XVIII a. muitais, prekyba, paskolomis ir kitomis finansinėmis operacijomis, stoka. Antra vertus, Lenkijos ir Lietuvos numizmatikos tyrinėtojų dėmesys buvo skiriamas kitiems aktualiems klausimams nagrinėti: pirmų lietuviškų monetų kaldinimo problematikai, lietuviškų monetų emisijai, radinių topografijai. Dėl minėtų rašytinių šaltinių trūkumo LDK ir atskirai Lietuvos piniginės rinkos klausimai liko menkai įvertinti. Tik pastaraisiais metais nuveikti darbai numizmatikos srityje – pirminių numizmatinių šaltinių – lobių (Ivanauskas, 1995a.) ir pavienių monetų sąvadais (Svetikas, 1995, Ivanauskas, spaudoje) lėmė tolesnių tyrimų kryptis – nagrinėti Lietuvos piniginės apyvartos klausimą.

Lobių ir pavienių monetų radinių topografija, lobių sudėtis ir kiti faktai, nors ir nevisiškai, tačiau akivaizdžiai parodo to meto Lietuvos teritorijoje naudotus pinigus ir jų kiekius. Dabar šie radiniai atspindi vienų ar kitų monetų naudojimo pradžią, parodo jų apyvartos arealą. Šiuo metu yra aptarti kai kurių Vakarų Europos valstybių (Danijos, Nyderlandų, Prancūzijos, Saksonijos, Švedijos, Šveicarijos, Mitavos ir Torūnės miestų kalyklų) monetų radiniai ir jų apyvarta Lietuvoje (Ivanauskas, 1992a, b., 1998, Ivanauskas, Balčius, 1991, 1992, 1993, Квизикевичюс, 1998a). Aptariamu laikotarpiu LDK teritorijoje, be vietinių – lietuviškų ir kaimyninių – Lenkijos, Livonijos ir Prūsijos ir minėtų valstybių monetų, naudotos ir kaimyninės Rusijos monetos. Lietuvos teritorijoje rasta nemažai rusiškų monetų, ypač tai galima pasakyti apie pavienių XVIII a. monetų radinius. Rusiškos lobiuose pasitaiko kartu su kitų valstybių monetomis. Lietuvos teritorijoje rasti 28 lobiai su rusiškais monetomis, tačiau jų vaidmuo Lietuvos pinigų apyvarto-

je iki šiol beveik netyrinėtas (trumpai apie tai kalbėta mokslinėje konferencijoje (žr. – Квизикевичюс, 1998b, c. 93–95). Šio straipsnio tikslas – remiantis archeologine-numizmatine medžiaga ir kai kuriais istoriniais duomenimis, pamėginti atsakyti į keletą klausimų: kada rusiškos monetos pasirodo Lietuvoje ir kaip čia paplinta.

XIV a. pabaigoje Lietuvoje pradėta kaldinti vietinės monetos, kurios kartu su Prahos grašiais, sidabro lydiniais ir kitų kaimyninių valstybių monetomis buvo apyvartoje ir XV amžiuje. Šių monetų gausa ir gera jų sidabro kokybė sudarė palankias sąlygas Lietuvos pinigams normaliau funkcionuoti. Dėl šių priežasčių XIV a. pabaigoje ir XV amžiuje, ko gero, rusiškos monetos Lietuvos pinigų rinkoje nefunkcionavo, nes dabartinės Lietuvos teritorijoje šio laikotarpio monetų iki šiol nerasta. Situacija beveik nepasikeitė ir XVI amžiuje. Rusiškas monetos, ko gero, daugiau ar mažiau naudojo prekybinių sandėrių su Rusijos pirkliais metu tik rytinėje LDK teritorijoje – Baltarusijoje ir Ukrainoje. XVI amžiaus antrojoje pusėje, Lenkijos – Lietuvos valstybės 1579–1582 metų intervencijos į Rusiją bei vėlesnių karų metu karo dalyviams ir kariuomenei amuniciją ir produktus tiekę pirkliai, o per juos ir kiti Lietuvos visuomenės sluoksniai geriau susipažino su neįprastomis rusiškais monetomis bei jas pradėjo naudoti vidaus prekybiniuose sandėriuose. Naudoti rusiškas monetos vietinėje rinkoje skatino ir lietuviškų monetų kokybės pablogėjimas bei jų trūkumas. 1582 metais Lvovo mieste viena kapeika buvo prilyginama 9/10 grašio, 1610 metais – 1 grašiui, o 1662 metais – pusantro (Шлапінский, 1997 c. 69). Tokiu kursu rusiškos monetos buvo keičiamos ir Lietuvoje, tačiau šie kursai buvo nepastovūs ir nuolat keitėsi. Šio laikotarpio rusiškų dengų ir kapeikų rasta penkiuose lobiuose (pasilėptuose 1621–1627 metais) – Matelių (Molėtų r.) – 252 vnt. (Ivanauskas, 1995, p. 62–68), Velžių (Radviliškio r.) – 8 vnt.